

Лян Юй застыла в дверях, преграждая путь. Она смотрела на Цзян Ехуна с неприкрытой яростью.

Цзян Ехун старался говорить мягко — с такими, как Лян Юй, бессмысленно идти напролом.

— Неужели и ваш управляющий тоже уехал в родную деревню?

— Я здесь! — Вперёд вышел жилистый, почерневший от солнца мужчина. — Если есть вопросы — задавайте мне, не смейте доносить госпожу.

Лян Юй мгновенно прослезилась.

— Зачем ты вылез!

— Меня зовут Ян Сяочуань, я обычный крестьянин из деревни Девяти Семей, — глухо начал мужчина. — Десять лет назад этот скот, Ли Фугуй, заметил мою красавицу-мать. Он ворвался к нам с людьми, обесчестил её и забил отца до смерти. Мою сестру он насильно сделал «священной посланницей» вместо своей собственной. Я пытался жаловаться старосте, но кто бы мог подумать... эти твари заодно. Меня вышвырнули из деревни и отобрали наши поля. Я не смирился. Сменив имя, я пробрался в дом Ли и десять лет служил псом. В ту ночь я прокрался на судно и подсыпал ядовитого гу в вино Ли Фугуя. Это я его убил. Госпожа ни при чём.

Лян Юй украдкой смахнула слезу.

— Хватит, Сяочуань. К чему теперь скрываться? Рано или поздно они всё равно бы докопались. Это я купила яд на призрачном рынке. Я же дала его Сяочуаню, Жуань Цин и Гао Юйянь. Эти трое заслуживали смерти.

Ян Сяочуань рухнул на колени перед женщиной.

— Госпожа, вы святой человек! Ли Фугуй — мразь, он обманул вас! Это она купила гу, но убивал я! Господин Чу, вы лучший ловец столицы, вы должны видеть правду! Смерть Ли Фугуя никак не связана с госпожой!

Цзян Ехун тяжело вздохнул, глядя в небо. От этого дела в груди становилось тесно.

— Госпожа Ли, как вы сошлись с Жуань Цин и Гао Юйянь?

Лян Юй, обессилив, опустилась прямо на землю и зашлась в жутком смехе.

— Эти трое годами не разлучались. То, что они творили, и расследовать не нужно — всё на поверхности. Из-за тяжелой болезни я не могла иметь детей, здоровье моё было подорвано. А Ли Фугуй за моей спиной завел себе «золотую канарейку» и планировал отравить меня, чтобы прибрать к рукам всё приданое. За годы брака мы стали не мужем и женой, а деловыми партнёрами. Ли Фугуй поднялся лишь благодаря моему усердию и хитрости. Я работала на износ, пока не слегла, а он... мало того, что гулял, так ещё и смерти моей захотел. Если он забыл о милосердии, то и я забыла о долге.

Цзян Ехун чувствовал горечь. Гао Юйянь, Жуань Цин, Лян Юй — все они были достойными женщинами, но судьба оказалась к ним безжалостна. Встретив на пути подлецов, они в итоге сами ступили на дорогу, с которой нет возврата.

Лян Юй словно постарела на глазах.

— Значит, вы втроём сговорились убить их, — не спрашивая, а констатируя, произнёс Цзян Ехун.

— Да. Когда я послала человека за ядом, то узнала, что жена Лу Чана тоже ищет этот гу, но ей не хватает денег. А у меня-то денег в избытке — покупай сколько влезет. Я устроила пир, позвала их обеих... Мы сидели и плакали. Долго, навзрыд. Ли Фугуй, Лу Чан, Лю Юань — они все заслужили это. Если бы не они, наши жизни не превратились бы в пепел. Жаль только, что небеса всё видят. Как говорится: «Хочешь, чтобы никто не узнал — не делай».

Жун Жо печально опустил взгляд.

— Эти трое и впрямь заслуживали гибели. Но вы погубили и себя. Оно того не стоило.

Лян Юй рассмеялась сквозь слезы.

— Не стоило? Нет, стоило. Ещё как стоило! Мы всю жизнь были слабыми, всю жизнь провели впустую. Но хотя бы под конец мы смогли выплеснуть эту ярость. Стоило. Каждого мгновения стоило.

Жун Жо молчал. Всю жизнь терпеть издевательства, жить ради одного вздоха облегчения... пусть даже ценой собственной души.

— Госпожа Ли, упоминал ли когда-нибудь ваш муж о нефритовом кирине?

— Гао Юйянь тоже спрашивала об этом, — отозвалась Лян Юй. — Но честно, за столько лет Ли Фугуй ни разу не обмолвился о нём. Если бы я знала, где он, давно бы отдала его Юйянь. Вернула бы вещь законному владельцу.

Жун Жо едва заметно нахмурился. Теперь надежда найти артефакт окончательно растаяла.

Цзян Ехун махнул рукой стражникам:

— Уведите их. Передайте господину Лю для допроса.

Дело было закрыто. Жертвы оказались мразями, заслужившими свою участь, но убийц — несчастных, изломанных женщин — тоже не ждало ничего хорошего.

На обратном пути Цзян Ехун не проронил ни слова. Он вдруг заскучал по тем временам, когда в мире боевых искусств всё решалось мечом и открытым вызовом.

— А-Жо, говорят, что за добро воздастся добром, а за зло — злом. Почему же Лян Юй и остальным пришлось пройти через этот ад?

— «Добро и зло» — лишь слова, — негромко ответил Жун Жо. — То, что пишут в книгах, не всегда истина, а реальность никогда не бывает чёрно-белой. Старший брат Чу, если на душе тяжело, может, сходим выпьем?

Цзян Ехун крепче сжал рукоять меча.

— Вино туманит разум, не стоит. Идём, сперва нужно вернуться в ямэнь.

***

Глава Шести врат Лю Чэн допрашивал задержанных всю ночь. Все участники заговора во всём сознались. Глубоко тронутый их судьбами, Лю Чэн в докладе императору подробно расписал злодеяния Ли Фугуя и его дружков, прося о снисхождении для убийц. Слухи об этом деле быстро разлетелись по Лянцзину; простой люд сочувствовал женщинам, надеясь на мягкий приговор. Скорее всего, казни удастся избежать.

Цзян Ехун наконец смог перевести дух. Теперь он лениво потягивал чай в Люшаньмэне.

— Оказалось, те, кого Ли Фугуй и его шайка отправляли «священными послами», были детьми людей, которых они ненавидели. Ну и скоты. Сдохли — и поделом, — негодовал он.

Хо Ча тем временем вешал на стену «Полет небожительниц». Теперь, глядя на свиток, он испытывал странную горечь.

— Верно, ни один из убитых не был невинным. Но закон есть закон, и Лян Юй его преступила. Впрочем, говорят, Его Величество тоже впечатлился их трагедией, так что приговор будет мягким. Это уже хорошо. Кстати, из Министерства ритуалов пришло одобрение на переименование деревни Девяти Семей. Господин Лю уже отправился туда с новым каменным столбом. И Девять Рек теперь снова официально зовется рекой Благодатных Вод. Пусть в этих

краях больше никогда не случается ничего подобного.

— Да, — кивнул Цзян Ехун. — Хороший финал. А картину эту убери. Её купил Лу Чан, и хоть он был мерзавцем, мы не можем присваивать чужое имущество. Отправь её семье Лу.

— Ладно. Наследники Лу говорили, что собираются продать её, а деньги раздать семьям тех, кого погубил Ли Фугуй с сородниками.

Цзян Ехун еще раз бросил взгляд на свиток. Что-то в нём показалось ему иным.

— Лао Хо, погоди, не сворачивай. Дай-ка ещё гляну.

Хо Ча снова расправил холст.

— Что такое?

Цзян Ехун подошел вплотную.

— Посмотри на этих трех сестёр Гао. Самая верхняя — это Гао Юйянь, верно? Её руки раскинуты, но пальцы согнуты вниз, будто она что-то держит. А Гао Юйцин и Гао Юйцинь, что пониже... их руки вскинута, ладони безвольно свисают, словно их самих кто-то придерживает. Если так посмотреть... не кажется ли тебе, что Гао Юйянь будто управляет сестрами?

Хо Ча изменился в лице.

— Господин Чу, когда вы это сказали, картина стала выглядеть совсем жутко. Но как она может «управлять» ими? Они же не вещи.

— Слово марионетки, — прошептал Цзян Ехун. — Будто их тянут за невидимые нити.

Хо Ча передернуло.

— Не пугайте меня. Это же живые люди, как их можно дергать за нитки, будто кукол?

Цзян Ехун покачал головой.

— Твоя правда. Просто этот свиток пропитан какой-то жутью. Видимо, то, что Го Цзыкуан видел тогда в пустыне, было лишь миражом, вот и вышло всё так странно. Ладно, возвращай её.

***

Вернувшись домой, Цзян Ехун так и не встретил Жун Жо. После той ночи Ехун чувствовал себя неловко, совесть нет-нет да и покусывала его.

Он купил медовые лепешки в лотосовых листьях. Жун Жо их обожал. Но стоило ли вот так сразу дарить их? Не сочтет ли тот это за признание?

«Скажу, что просто проходил мимо... Нет, слишком холодно. Скажу, что сам захотел, вот и купил лишнюю порцию», — рассуждал Цзян Ехун, топчась у порога. Наконец, он решился.

Жун Жо был занят: стирал белье, вывешивал одеяла. Каждый раз, когда Ехун возвращался, он видел одну и ту же картину — А-Жо, словно образцовая молодая супруга, хлопчет по хозяйству, готовясь к обеду.

— Старший брат Чу? Почему вы так рано? Сегодня не обедаете в ямэне?

— Кхм... я... я захотел лото... лотосовых... — От волнения голос его предательски дрогнул.

Жун Жо, увидев сверток в его руках, улыбнулся и продолжил развешивать одежду.

— Захотели лепешек? Вы же вроде не жалуete сладкое?

Цзян Ехун густо покраснел.

— Изредка...

— Изредка — это полезно, — мягко подхватил Жун Жо.

Цзян Ехун едва смел поднять взгляд.

— Верно... хочешь...

Но голос его был таким тихим, что Жун Жо уже скрылся в доме с тазом. Цзян Ехун в сердцах топнул ногой и, собравшись с духом, ворвался следом:

— Жун Жо!

Тот вздрогнул от неожиданности.

— Что случилось, брат Чу?

Цзян Ехун, пунцовый как закат, не смог выдать ни слова. Он просто всучил лепешки Жун Жо и пулей вылетел во двор, едва не сбив по дороге огромного рыжего петуха. Тот вытянул шею и яростно закричал вслед беглецу.

Жун Жо лишь тихо рассмеялся, глядя на пустой дверной проём.

***

До праздника Чжунъюань оставалось три дня. Старики в городе ворчали, что в преддверии Дня духов ночи полны темной энергии, и после полуночи лучше на улицу не соваться.

Ночной сторож Лан У шел по улице Чунмин, мерно ударяя в колотушку. Чунмин была самой захудалой улицей Лянцзина. Пять лет назад здесь вспыхнула страшная чума, унесшая множество жизней. Те, кто выжил, давно съехали, и теперь об этом месте ходили дурные слухи.

Лан У работал сторожем всего три месяца, и каждый раз, проходя здесь, чувствовал, как по спине пробегает холодок. Он старался не смотреть по сторонам, особенно когда приближался к заброшенной медицинской лавке семьи Гу. Вывеска на ней почти стерлась. Говорили, что во время эпидемии там скопилось слишком много больных. Начался хаос, люди в безумии грабили запасы лекарств, и в этой суматохе жена лекаря и его маленький ребенок были растоптаны толпой. Улицу тогда оцепили, и после чумы никто так и не смог найти виновных.

Лан У ускорил шаг, мечтая лишь о том, чтобы поскорее убраться отсюда.

— Мой ребёнок... — Ледяной крик донесся из глубины пустой лавки.

Сторож замер и задрожал. Он не смел оглянуться.

— Где мой ребёнок? Ты видел моего ребёнка? — Шелестящий, ледяной голос раздался прямо у него за спиной.

Лан У почувствовал, как чьи-то холодные, длинные волосы коснулись его плеча. Охваченный первобытным ужасом, он медленно повернул голову. Прямо перед ним, вместо лица, чернела бездна спутанных волос.

— Призрак!